

Он чувствовал, как внутри всё сжимается от раскаяния, и даже корил себя за то, что не сдержал язык за зубами. Как он мог из-за какой-то там «супруги наставника» позволить себе «упрекать» собственного учителя?

Увы, лекарства от сожалений в этом мире не существует. Ему ничего не оставалось, как вернуться домой, подготовить инструменты для рисования на завтра и начать, хоть и через силу, ждать той самой поездки на пленэр.

К счастью, утренняя вылазка на следующий день принесла Тянь Юйхао богатые плоды. После того как учитель Сун целый день давал ему личные наставления, юноша понял, что готов вставать так рано хоть десять, хоть сто раз подряд — и будет делать это с величайшей радостью.

Сун Чжичжао не только точно указал на все ошибки в его творческом процессе, но и научил подмечать детали, которые Тянь Юйхао раньше попросту не замечал. Под руководством Сун Чжичжао его набросок буквально преобразился — каждый штрих был отточен до совершенства. Всего за один день уровень его мастерства подскочил до небывалых высот.

Разумеется, по словам самого Сун Чжичжао, всё это лишь потому, что мальчишка обладает острым умом и недюжинным талантом — настоящий самородок.

Время, овеваемое летним ветерком, текло незаметно, и в мгновение ока наступил конец августа. В городе Юйцзян заметно похолодало. Сун Чжичжао занимался с тремя учениками уже больше недели и успел досконально изучить их способности.

Сегодня, поскольку во всех старших школах начались занятия, никто из ребят не пришёл. Сун Чжичжао, поддавшись внезапному порыву, сам установил мольберт в студии, намереваясь просто порисовать для души.

Но не успел он просидеть за работой и пяти минут, как дверь художественной студии Чжиинь отворилась.

Полагая, что это пришел Шэнь Шивэнь, Сун Чжичжао, не оборачиваясь, мягко спросил:

— Разве ты не собирался сегодня работать над песней вместе с Шу Юнь и остальными? Почему так быстро вернулся?

Вошедший замер на пороге, а затем тихо кашлянул.

— Чжичжао, это я.

Услышав голос, который никак не принадлежал его парню, Сун Чжичжао резко обернулся и встретился взглядом с Хэ Юньцзином, в глазах которого читалось глубокое чувство.

Он отложил кисть, и в его глазах не осталось ни тени лишних эмоций. Холодным, отстраненным голосом, способным оттолкнуть любого, он произнёс:

— Это ты? Что тебе нужно?

Хэ Юньцзин, уже было сделавший шаг вперед, застыл на месте. Он неловко коснулся кончика носа, и слова, которые он собирался произнести, застряли в горле.

На самом деле, еще в день Циси он уже видел такого же холодного, лишённого всякой теплоты Сун Чжичжао. Тогда он, полный радости, пришел с розами, надеясь пригласить его провести праздник вместе, но не только получил отказ и выброшенные цветы — его самого безжалостно выставили из студии. Он до сих пор помнил, как перед тем, как выгнать его, Сун Чжичжао прищурился и предупредил: «Если посмеешь еще раз такое выкинуть, не вини меня в том, что я забуду о былых чувствах».

Хэ Юньцзин вынужден был признать, что тот Сун Чжичжао был ему чужим. Он не был похож на того нежного, скромного и учтивого Сун Чжичжао, которого он знал долгие годы. Исходившая от него отчужденность не позволяла даже приблизиться.

Но некоторые мужчины по натуре своей падки на недоступное — чем колючее роза, тем сильнее она их манит. Хэ Юньцзин как раз из таких.

Быстро взяв себя в руки, он, как обычно, улыбнулся, подошел к Сун Чжичжао и мягко спросил:

— Слышал, ты взял себе трёх учеников? И, говорят, недавно возил одного из них на пленэр в болотный парк?

Сун Чжичжао не знал, откуда тот прознал об этом, и настороженно переспросил:

— И что с того? Какое тебе дело до моих дел?

Эти ледяные слова, одно за другим, вонзались в сердце Хэ Юньцзина, как острые клинки, отчего ему стало трудно дышать. Но он лишь глубоко вдохнул, натянул на лицо вымученную улыбку и предпринял еще одну попытку:

— Чжичжао, я не имел в виду ничего плохого. Я пришел лишь спросить: планируешь ли ты и дальше заниматься преподаванием? Если хочешь, мы могли бы вместе открыть студию побольше, специально для обучения. С нашими-то способностями и репутацией в мире искусства у нас было бы полно учеников.

— Не хочу, — отрезал Сун Чжичжао. — Я просто помогаю учителю в мелком деле. Да и ты должен знать: мне больше по душе самому писать картины, чем заниматься преподаванием.

Сказав это, он снова взял кисть, не удостоив Хэ Юньцзина больше ни единым взглядом.

На самом деле, разве Хэ Юньцзин не знал о его стремлениях? Поначалу он и сам сомневался, считая эти слухи домыслами. Но, посетив старика Фу Яньчэна, он убедился, что всё правда, и что Сун Чжичжао сейчас всерьез занимается этими тремя учениками. Тогда он пришел в изумление и восторг, решив, что это шанс — отличная возможность сблизиться.

— Но... — Хэ Юньцзин явно хотел продолжить, но не успел: дверь художественной студии Чжиинь снова отворилась.

Вошел Шэнь Шивэнь. Сделав вид, что не замечает Хэ Юньцзина, он прямиком подошел к Сун Чжичжао, обнял его со спины и притянул к себе. Сун Чжичжао прекрасно знал, что у того на уме, поэтому просто позволил ему себя обнимать, а затем, на глазах у постороннего, даже слегка коснулся губ Шэнь Шивэня.

Шэнь Шивэнь, придерживая его за подбородок, обменялся с ним еще несколькими легкими поцелуями, прежде чем неохотно остановиться.

Видя, как эта парочка бесстыдно демонстрирует свои чувства, Хэ Юньцзин застыл на месте, не в силах вымолвить ни слова. Шэнь Шивэнь, заметив его шок, нарочно положил подбородок на плечо Сун Чжичжао и ласково позвал:

— Малыш.

Для них двоих такое обращение было редкостью, и Сун Чжичжао невольно приподнял бровь. Хэ Юньцзин же совсем потерял терпение и прямо спросил:

— Что всё это значит?

Шэнь Шивэнь обернулся, делая вид, что только сейчас заметил его, и со смешком произнес:

— О, здесь еще кто-то есть? Посмотри на меня, у меня в глазах одна только моя жена, я тебя и не заметил.

Хэ Юньцзин сжал кулаки, пытаясь сдержаться. Он знал, что не соперник Шэнь Шивэню, к тому же они состоят в законных любовных отношениях, и у него нет прав злиться. С трудом выдавив из себя сквозь стиснутые зубы:

— Шэнь Шивэнь, не заходи слишком далеко.

— Это я-то захожу далеко? — Шэнь Шивэнь тоже вышел из себя, резко вскочил и толкнул его.

— Разве ты еще не должен был знать о наших отношениях? Что, великому художнику Хэ понравилось быть третьим лишним? Я же тебе прямо всё показал, ты еще не ушел? Ждешь, пока я выплесну на тебя краски?

Слушая эту тираду, Сун Чжичжао в глубине души восхитился умением своего парня ставить людей на место, хотя и не совсем одобрял последнюю фразу. Ссора ссорой, но зачем же на

красках-то отыгрываться? Это неразумно, совершенно неразумно!

Хэ Юньцзина оттолкнуло, он пошатнулся, его шея налилась краской от ярости, а на лице читался гнев. Но как бы он ни был зол, ему пришлось проглотить обиду — ведь он действительно был не прав. Раньше, пока они не прояснили отношения, его настойчивость можно было списать на незнание. Но теперь, когда всё стало очевидно, дальнейшие попытки лезть к ним означали бы самоубийство — если такое разлетится по кругу, о репутации можно забыть навсегда.

И всё же он был не согласен, пытаясь еще что-то возразить Шэнь Шивэню, чтобы унять застарелую обиду. Но не успел он открыть рот, как Сун Чжичжао холодно выставил его за дверь.

— Уходи. Впредь, если нет дела, в мою студию можешь не приходить.

Теперь Хэ Юньцзин, как тот, кто съел полынь, не мог даже пожаловаться. Он лишь сердито уставился на Сун Чжичжао, а затем, понурый, удалился, освобождая личное пространство для влюбленных.

Лишь когда фигура Хэ Юньцзина окончательно исчезла, Шэнь Шивэнь вернулся к Сун Чжичжао и, сияя от счастья, обнял его.

— Жена, ты ведь говорила, что старик Фу велел вам, соученикам, помогать друг другу? Почему же сегодня ты сама его выгнала?

Сун Чжичжао положил ладонь на его руку, и его обычно мягкий голос сейчас прозвучал твердо:

— Потому что для меня важнее всего ты. И в моем сердце нет никого, кто мог бы сравниться с тобой.

Прошло еще полмесяца. Приближался Праздник середины осени — день воссоединения семьи. По сложившейся традиции, Сун Чжичжао и Шэнь Шивэнь должны были отправиться домой к родителям, и этот год не стал исключением.

Несколько лет назад, когда их родители стали старше, они купили два соседних дома в новом районе Сунбэй, мечтая на старости лет жить рядом с друзьями. Правда, этот новый район находился довольно далеко от района Наньань, и даже на машине дорога занимала не меньше сорока минут. Но, к счастью, сегодня им удалось избежать часа пик, пробок не было, и путь прошел гладко.

Подъехав к дому, они разделились: Шэнь Шивэнь поехал на подземную парковку, а Сун

Чжичжао, прихватив подарки для родителей, поднялся на лифте. Уже стоя у двери, он полез в карман и обнаружил, что из-за утренней спешки забыл ключи от нового дома. Пришлось звонить в дверь.

Минуты через пол он услышал торопливые шаги внутри, и дверь отворилась. На пороге стояла девушка в простом, но изящном бледно-розовом платье. Её лицо было поразительно похоже на лицо Сун Чжичжао, но глаза — еще яснее и ярче, словно в них вечно мерцали звезды. Это была родная младшая сестра Сун Чжичжао, Сун Чуюо.

Сун Чуюо в этом году исполнилось двадцать, она училась на втором курсе Института педагогических наук Юйцзянского педагогического университета и, если всё пойдет по плану, в будущем станет превосходным народным учителем.

<http://bllate.org/book/28708/3471259>